

ДМИТРИЙ ЛОГИНОВ

БОГОСЛОВ

КОТОРЫЙ СКАЗАЛ О БОГЕ
ЛИШЬ ОДНО СЛОВО

Люди Каменной Книги

Дмитрий Логинов

**Богослов, который сказал
о Боге лишь одно слово**

«Автор»

Логинов Д.

Богослов, который сказал о Боге лишь одно слово / Д. Логинов —
«Автор», — (Люди Каменной Книги)

Этот текст Дмитрия Логинова представляет собой раздел его книги
«Тайнопись на гробнице волхвов и Велесова книга свидетельствуют:
ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВОЛХВЫ С ВОСТОКА СУТЬ РУССЫ» (М.: Альва-
Первая, 2009).

Содержание

ИУДЕЙСТВУЮЩИЕ «АРИЙЦЫ»	6
ТРЕТЕЙСКИЙ СУД СКИФСКОЙ ШКОЛЫ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Логинов
Богослов, который сказал о Боге
лишь одно слово («Единосущный»
Константина Великого)

*Видящий Меня видит Пославшего Меня.
Евангелие от Иоанна, 12:45.*

ИУДЕЙСТВУЮЩИЕ «АРИЙЦЫ»

Вселенский первый собор христианской церкви состоялся в городе Никея в 325 году. И это был собор победителей. Константин I Великий сделал христианство, прежде гонимое, государственной религией воссозданной им империи. Церковь, таким образом, превозмогла преследования от язычников (которые были спровоцированы, в основном, иудеями, как полагают историки Ланчиани, Эдвард Гиббон и Эрнест Ренан¹) и восторжествовала. Некоторые из епископов, прибывших на собор во славе и силе, имели на своих телах следы пыток.

Но этот первый собор мог сделаться и последним. В смысле – завершиться для церкви тем, что христианской она осталась бы только лишь по названию. Многие приходы Византийской империи охвачены были ересью, которая представляла, на поверхностный взгляд, учение вполне стройное, на деле же выхолащивала суть веры.

Что это была за ересь? Ее основоположником называют Ария, последователя Антиохийской богословской школы и несчастливой претендента на кафедру в Александрийской. «Арийская», так сказать, по названию, ересь эта по сути представляла недопустимый уклон в сторону иудейства. А именно: ариане признавали Иисуса Христа Сыном Бога Всевышнего лишь формально.

Чем ересь была опасна? Именно завуалированным характером отхода от апостольского учения. Казалось бы, никакого особенного отступничества и нет. Ведь ариане не утверждали, подобно предшествовавшим им еретикам Евхиону и Керинфу, что Иисус, будто бы, был просто человек и, конкретно, еврей по национальности. (Евангелия сохранили свидетельства, опровергающие не только первое, но и второе: евреи времен Христа не считали Его принадлежащим к их нации – Ин 8:48. Ересь евионитов была анафематствована самими еще апостолами².) Формально, ариане оставляли за Иисусом величальное имя «Сын Бога».

Этим закладывалась, так сказать, «бомба замедленного действия». Евионитство было слишком грубой попыткой ошельмовать Христа, тем более не имевшей успех в первый век, то есть когда Его Самого еще очень хорошо помнили. Прельстить могло лишь учение, которое бы лукаво продолжало именовать Христа Сыном Бога, но исподволь подменяло бы притом смысл этого богословского понятия: «Сын».

Таким и было явлено арианство. Определение «Сын» понималось им в обыденно-человеческом смысле, а вовсе не как возвышенный символ единения с Абсолютом и – единения абсолютного же. Ведь ариане учили: если Христос родился, то, следовательно, было время, когда Его еще не было. Так провоцировалось начало дрейфа к той выморочной христологии, где Божий Сын разумеется как всего только величайший из всех пророков. Как человек (?!), что наилучшим и превосходнейшим образом среди всех людей засвидетельствовал о Боге.

Заметим, нечто подобное проповедует ныне секта, именующая себя «свидетели Иеговы». Точное самоназвание, кстати. Ибо не об Отце Христа свидетельствуют они. Бог иудаизма не может считаться Отцом Его. Сему имеются богословские доказательства, но они требуют пространного изложения и суть отдельная тема. Поэтому приведем доказательство нравственное по преимуществу, в котором стоит отметить первенство К.Г. Юнга (хотя он лишь наметил формулировку вскользь, комментируя «Климентовы проповеди»). Иисус говорит: «Я и Отец – одно» (Ин 10:30). Юнг обращает внимание на «решающее различие между иеговистской и

¹ Э. Ренан пишет в своей книге «Антихрист» (1873): «Евреи были истинными преследователями и не жалели никаких усилий для истребления христиан».

² Коннер Д., Христос не был евреем. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2004.

христианской точками зрения», которое состоит в том, что «Иегова откровенно несправедлив, а несправедливость не является добром. Бог христианства, со своей стороны, есть исключительно добро»³. Итак, Иегова не только не есть «одно» со Христом, но и составляет, как раз, иное Ему. Следовательно, согласно речению Самого Христа, бог иудейской Торы никак не может рассматриваться в качестве Его Отца.

Свидетели Иеговы не отвергают имени «Сын», но не признают, что Сын единосущен Отцу. А, между тем, в Евангелии сказано: «Бог есть Любовь» (1 Ин 4:16). Значит, если верить свидетелям Иеговы, получится, что, якобы, то ли Отец не есть по сути Любовь, то ли Сын. Возможно, потому и дела свидетелей этих на практике оказываются не слишком исполненными любви – достаточно вспомнить решение по ним, например, Головинского суда Москвы 26 марта 2004 года⁴. Многие представители христианского духовенства рассматривают свидетелей Иеговы как деструктивную и тоталитарную или даже – по существу своему – антихристианскую секту.

Четкое указание на исток их идеологии дает, к примеру, протоиерей Александр Новопащин: «Две тысячи лет назад иудеи не признали Бога, явившегося во плоти, предав Его на распятие... Но гонители христиан столкнулись с неожиданным феноменом: каждая капля крови, пролитая мучениками за веру, возвращала сотни новых исповедников. И тогда враг спасения душ человеческих меняет тактику, пытаясь разрушить Церковь изнутри... Особое место занимали ереси, пытавшиеся применить иудейские воззрения к христианскому учению – таких еретиков называли иудействующие. Продолжатели иудействующих... объявились на рубеже XX столетия в лице свидетелей Иеговы – мощной международной организацией во главе с Руководящей Корпорацией в г. Бруклине (США)»⁵.

Но возвратимся к временам Константина. Если бы ариане победили на первом Вселенском соборе, все христианство сделалось бы примерно такой же вот вариацией на тему абстрактного и плоского монотеизма, не оставляющего надежд на истинное спасение (то есть восхождение к Самому Богу). А значит, под названием «христианство» мы бы имели сейчас на деле нечто вроде ислама, возникшего за три века до Магомета.

Об этом хорошо говорит специалист по истории христианского богословия Антон Карташев (1875–1960): «Диалектически арианство вело к антитроичности Бога, к обесмыслению вочеловечения хотя бы и Высшего, Единородного, Единственного из сынов Божиих. Это был бы стерильный монотеизм, подобный исламу и иудаизму. Не понимало арианство, что суть христианства не в субъективной морали и аскезе, а в объективной тайне искупления»⁶.

«Яд иудаизма, – замечает Карташев далее, – заключался в антитроичности, в монархическом истолковании крещальной формулы церкви. Антиохийский богословский центр (или „школа“), как находящийся на почве сиромемитической, заявил себя симпатиями и к позитивно-буквальной экзегезе Библии». Проще говоря, через Антиохийскую школу предпринималась первая серьезная⁷ попытка иудаизировать христианство. Тогда, в IV в. по Р.Х., это не удалось. И неудача врага спасения душ человеческих, как это мы постараемся показать здесь далее, была предопределена посвященностью Константина Великого в тайны древнего илирийского богословия.

³ Юнг К.Г., AION, глава V «Христос, символ Самости». 1950 г.

⁴ Характерное определение: «жесткая система сбора взносов, подрывающая материальное благосостояние семей членов секты».

⁵ Новопащин А., Мельников В., О чем свидетельствуют «свидетели Иеговы». <http://www.nevskiy.orthodoxy.ru/>

⁶ Карташев А.В., Вселенские соборы. М., 1963.

⁷ Евион и Керинф напоминают, скорее, исторический курьез.

Конечно, это был не единственный (хотя и решающий) фактор, приведший тогда к победе в христианстве исконного православия и закреплению этой победы в тексте Символа веры, который почитается и поныне. Антиохийской школе, через которую проводилась диверсия арианства, противостояла школа Александрийская. Ее представители владели философией Платона и помнили, что именно «в книгах платоников (а не в иудейской Торе) написано то же самое, что в Евангелиях», как это констатировал современник I Вселенского собора святой Августин Блаженный в трактате «Исповедь».

Александрийцы чувствовали, что ариане обкрадывают верующих во Христа, предлагая вместо настоящего Сына Бога поклониться несовершенному бледному разумению о Нем еретиков. Адептам Александрийского богословия было очевидно: утрата ведения о подлинной природе Слова, Которое стало плотью (Ин 1:14), приведет к потере возможности действительного спасения, то есть прозрения в Саму Истину. Ведь сказано: «познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» (Ин 8:32). А также: «Никто не приходит к Отцу иначе, как только через Меня» (Ин 14:6).

На богословских диспутах имеющие духовный опыт немедленно указывали суть дела: «Бог вочеловечился для того, чтобы мы обожились! Если бы Он был не Бог, а всего лишь обожен, то как мы бы могли надеяться через Него обожиться?» Но смысл подобных речей был понятен весьма немногим. Лишь тем, кто также имел соответствующий духовный опыт – «сокровище благих», обретаемое лишь продвинувшимися весьма далеко по пути внутреннего святого странничества. Прочие же предпочитали перетолковывать умалено даже категорические прямые свидетельства новозаветных текстов: «в Нем обретается вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9). «Велия благочестия тайна: Бог явился воплоти» (1 Тим 3:16). «Он... не почитал хищением быть равным Богу» (Филип 2:6).

Чтобы «велия благочестия тайна», отворенная избранным, сделалась внятна всем, необходимо было отыскать некую формулу ее осмысления – емкое словесное выражение, как бы скачком расширяющее духовный горизонт (способствующее, как бы сказали сейчас, инсайту). Но даже александрийцы, то есть христианские учителя, опиравшиеся на всю мощь философии Платона, не смогли вывести такой формулы. (Впрочем, очень близко подошел Афанасий Великий: «Бог не Монада, а всегда Триада». Но это утверждение было односторонним и, следовательно, уязвимым.)

Поэтому отцам церкви оставалось лишь предостерегать паству, свидетельствуя свое чистосердечное и глубокое убеждение, что путь арианства – гибелен. Они и делали это, не оставаясь и перед высказываниями весьма решительными. Так, например, святой Александр Александрийский писал в Окружном послании епископам: «В нашей стране появились... христоропцы, которые учат такому отступлению, какое по справедливости может быть признано и названо предтечею антихриста». (Подобный радикализм был вполне в традициях школы. Еще основоположник ее Климент Александрийский называл иудействующих воплощенными бесами.)

Но требовалось положительное учение о Сущности Слова (Логоса). Иначе путь взаимных анафематствований Александрийской и Антиохийской школ приведет в никуда. Но если, как писал Александр, «в нашей стране» (то есть в империи Константина) появилась болезнь, то действенного лекарства против этой болезни в ее же пределах не обнаруживалось. Наверное, именно тогда у Константина Великого родилась идея поискать этого лекарства за пределами Византийской империи. Тогда в богословской дискуссии смогла бы принять участие школа, авторитетная столь, что и Александрийская, и Антиохийская признали бы ее над собой третьей судьей. Имперские соборы по поводу ереси ариан происходили и раньше, но успеха не приносили. Требовался собор вселенский.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД СКИФСКОЙ ШКОЛЫ

И Константином такой был созван. Именно императором, это была его идея, а не кого-либо из византийских епископов. Причем Константин финансировал организацию и проведение собора из государственной казны. В частности, он оплатил почтовых лошадей *cursus publicus* (курьерской службы, созданной еще Августом), на которых гонцы епископата империи отправились «во все лены», то есть во все страны мира, где только были тогда христианские общины, призвать богословов на встречу и совет во имя торжества Истины. Примечательно, что именно христианский собор оказался первым в истории человечества мероприятием в масштабе Планеты (по крайней мере – первым таковым со времен легендарной Гипербореи⁸).

Запад отреагировал на приглашение Константина слабо, и это говорит о неразвитости там христианского богословия в его время. Зато поместные церкви Востока и, особенно, Севера приняли в соборе горячее участие. Причем, если Сирию представлял всего один богослов, а Армению – два, то более многочисленные делегации прибыли с Кавказа и Босфорского царства (Керчь), а также и от Великой Скифии. По поводу последнего названия процитируем Нестора, который констатировал в «Повести временных лет»: «Жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи, дулебы... волыняне, уличи и тиверцы... и сохранились города их донныне; и греки называли их „Великая Скифь“».

Что скифами (или скифами-пахарями) греки называли славян, то есть племена Русова корня (руссы – *Руеа еыны*, они же «Дажьбожьи внуки», как именует пращуров наших автор «Слова о полку Игореве»), теперь уже мало у кого есть сомнения. Серьезные исследователи Клавдия Птолемея (II в.), Константина VII Багрянородного (X в.), Льва Диакона, Иоанна Киннама и других сходятся в этом. Но, в результате нераспространенности сведений о географии раннего христианства, может возникнуть вопрос: откуда взялись на Руси времен Константина Великого христианские богословы, да еще и столь искушенные, что не в последнюю очередь ради прибытия их, именно, Византия затеяла Вселенский собор?

Попробуем восполнить пробел. В первые века христианство было представлено целым рядом общин и в землях «скифского квадрата» (так Геродот именовал южные области славянского союза), и к северу от него. Самые первые христианские общины руссов были основаны апостолом Андреем во время его хождения в Скифию, а также и учениками его. (Об этом путешествии Первозванного повествует, кстати, не только «Оповедь». О нем упоминается и, к примеру, в послании византийского императора Михаила VII Дуки русскому великому князю Всеволоду I Ярославичу.) Общины более поздние основали ученики Буса Белоояра (IV в.), князя-волхва, который оказал христианам не меньшее покровительство в своих владениях, нежели Константин – в своих.

Волхвы, которых крестил Андрей, восприняли его благовествование не как изложение иноземной и новой веры, но в качестве долгожданной вести об окончательном исполнении древних пророчеств собственной⁹. Именно поэтому «апостол Андрей растрогал проповедью своею скифов», как напишет четыре века спустя епископ Евхерий Лионский. Продолжатель же дела Первозванного апостола князь-волхв Бус Белоояр учил о христианстве как о «стеze Прави» (Бусово Провещание), не мысля его вне контекста богословия древнерусского православного (Правь славили) ведизма. В итоге во времена раннего христианства земли руссов были

⁸ О том, что сохранило предание Традиции об этих временах, мы рассказываем подробно в книге «Планетарный миф» (М.: Альфа-Первая, 2008).

⁹ Подробнее об этом в работе Кирилла Фатьянова, изданной в сборнике «Гиперборейская вера руссов» (М.: Фаир-Пресс, 2003).

единственными, где оно не встречало гонений и не обрастало ересями. (Не потому ли также, что там тогда не было иудеев и, соответственно, иудействующих?) «Холода Скифии кипят жаром веры», свидетельствовал современник I Вселенского собора Евсевий Иероним. И, что особенно важно, это был жар от пламени изначального, не искажаемого ничем апостольского учения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.